

Собрались как-то три подружки за чашкой чая — и ну давай лясы точить. О том о сём посудачили, и дошло дело до мужиков. Тема эта неисчерпаемая, вечная, хлебом женщин не корми — дай только разобрать по косточкам своих благоверных.

— Мой-то совсем оборзел! — прихлёбывая из чашки, заявила хозяйка квартиры.— Знай на диване с боку на бок переваливается и целыми выходными пялится в телевизор. Устал он, видите ли, за неделю! Работа у него! А у меня, что не работа?!

— И не говорили, подруга! — вставила своё веское слово другая гостья.— У меня тоже кино дома. Ни черта не помогает. Живёт как квартирант — на всём готовом. И всё на мне, всё на мне! Хоть бы тарелку за собой вымыл. Куда-а-а там, руки отвалятся!

Успокоившись, гостья принялась за вишнёвое варенье. И наполнила свою чашку свежесваренным чаем.

— Ну, посуду мыть я и сама ужас как не люблю,— поддержала разговор хозяйка квартиры.— Куплю я с зарплаты посудомоечную машину. Хорошая, говорят, вещь. Сама всё делает, и никаких проблем.

— А вот у меня дома така-а-ая машина, что я горя с посудой не знаю,— встряла в беседу молчавшая до этого Татьяна, третья из подруг.

Две остальные замолчали и с удивлением уставились на неё.

— И за сколько ты её покупала? — немного оторопев, спросила хозяйка квартиры.

— Да ни за сколько! — усмехнулась Татьяна.— Бесплатно она мне досталась. Вот уже тридцать лет работает безотказно. И заводится с пол-оборота.

— Ну ты даёшь, подруга! — наперебой загадали обе женщины. — И почему ты раньше никогда об этом не говорила? И какой марки эта машина, как называется?

— Петрович! Вот как она называется! — торжественно объявила довольная произведённым эффектом Татьяна.

Обе подруги недоуменно раскрыли рты. И, наконец-то врубившись, громко расхохотались. Вместе с Татьяной. Петровичем звали её собственного мужа.

Петрович был мужик странный. Далеко не подкаблучник, просто к быту относился как к осознанной необходимости. Не делал из него какой-то трагедии, из-за которой разрушались многие семьи. Бытом нужно заниматься между делом, без него не обойтись, и относиться к нему надо как к ежедневному умыванию по утрам и чистке зубов. А самое главное — не делать из него смысл жизни. Сварить обед — пожалуйста, убраться в квартире — святое дело, а уж помыть посуду — это с нашим большим удовольствием. Сам процесс мытья посуды даже нравился Петровичу, и он с наслаждением плескался у раковины, за что Татьяна дала ему шутовское прозвище: «енот-полоскун». Одним словом, помощник у Татьяны был отменный.

Однажды поехал Петрович вместе с Татьяной в отпуск. Из Сибири аж в центральную часть России. Разница по времени — четыре часа. И попали они прямо на свадьбу. Племянница замуж выходила. С корабля, как говорится, на бал. Гостей собралось человек пятьдесят. Как и положено на русской деревенской свадьбе, попили самогона, попели песен, наплясались, а к ночи все гости утомонились. Кто до своего дома добрёл, а половина гостей устроилась ночевать в доме невесты. Кто на полу, кто на сеновале, разлеглись все вповалку.

Петрович проснулся чуть свет, сказалась четырёхчасовая разница во времени. Ну, что делать, все ещё спят, а одному как-то и опохмеляться неудобно. Вышел Петрович во двор, пошарахался по огороду, думал, чем бы заняться, пока гости спят. И наконец-то нашёл себе достойное занятие. Первым делом заглянул в горницу, где стояли столы с недоеденным угощением и недопитой водкой. Пару стопок опрокинул внутрь — малость полегчало; посидел, покурил и начал собирать со стола всю невымытую посуду. После

пятидесяти человек её оказалось очень много. Кроме тарелок, вилок, стаканов и ложек, была ещё куча кастрюль и чугунков. В общем, мыть — не перемыть, тут нужна целая бригада посудомойщиков, тем более что дом деревенский, неблагоустроенный. Водопровода нет, горячей воды и прочих прелестей цивилизации — тоже. В огороде стояла железная печь с трубой. Петрович поставил на неё огромный бак, натаскал из колодца воды и растопил печку.

Через четыре часа проснулись и остальные гости. Когда они вышли во двор и огород, то не поверили своим глазам. В саду, под яблонями, на зелёной травке, на расстеленных покрывалах, сушились и блистали чистотой сотни единиц разнообразной посуды. Кастрюли, тарелки, стаканы, всевозможные салатницы и невообразимое количество вилок и ложек. Всё это было аккуратными рядами выложено под освещёнными солнцем деревьями. А возле потухшей уже печки сидел на чурбачке Петрович и невозмутимо курил. Никто ничего не понял. Одна только Татьяна засмеялась.

— Кто же это всё сделал?! — запричитали женщины, а мужики с похмелья никак не могли врубиться, что за чудо здесь произошло.

— Да это мой «енот-полоскун» отличился, — расхохоталась Татьяна.

— Ну и мужик у тебя! — восхищались все женщины. — Не мужик, а... посудомоечная машина!

Так Петрович стал героем дня. Мужики тоже удивлённо покачивали головами, и все гости отправились опохмеляться. Пошёл второй день русской свадьбы.